

Т.А. Демешкина, М.А. Толстова

ЛОКАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРСКОГО СЕЛА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 19-412-700001p_a «Автобиографические практики как способ отражения социокультурных процессов региона».

Рассматриваются критерии, на основании которых происходит процесс самоидентификации: рождение и постоянное проживание в определенной местности; наличие предков, родившихся и живших в том же локусе, что и говорящий; эмоциональная привязанность к данной местности, владение локальным вариантом языка и другие. Описаны лексические средства выражения локальной самоидентификации. Показана зависимость актуализации выявленных факторов от дискурсивных и жанровых параметров.

Ключевые слова: локальная самоидентификация; автобиографический рассказ, сельский житель, идентичность.

Изучение идентичности является одним из ключевых направлений мировой гуманитарной науки. Лингвистический подход к феномену идентичности и анализу смежных с ней понятий (Я-концепт, Я-концепция, самоидентичность, самоидентификация, самопрезентация, автоимидж и др.) представлен в ряде работ российских ученых (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, М.А. Лаппо, О.С. Иссерс, З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина и др.). Исследователи отмечают, что идентичность носит неустойчивый характер и нуждается в непрерывном подтверждении – самоидентификации – осознанном либо неосознанном вербальном и невербальном маркировании идентичности [1. С. 28].

Лингвистическое моделирование самоидентификации опирается на структуру самоидентификации личности, разработанную психотерапевтом М.А. Щербаковым. Данная структура представлена в виде кластерной модели, включающей семь уровней самоидентификации: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой и духовный. Исследователь отмечает, что границы этих уровней сильно размыты, и существуют другие уровни самоидентификации, находящиеся на пересечении указанных [2]. В каждый конкретный момент человек в зависимости от ситуации и своего целеполагания актуализирует один или несколько уровней самоидентификации, выбрав определенную категорию и номинацию [3. С. 32].

В то же время каждый уровень самоидентификации может включать более частные уровни, выделяемые на разных основаниях, но имеющие между собой точки пересечения. Так, национально-территориальная идентичность и самоидентификация рассматривается на таких уровнях, как национально-государственная [4], региональная [5, 6], локальная [7–11].

Предметом нашего анализа является локальный уровень национально-территориальной самоидентификации. Интерес к данной проблематике обусловлен экстралингвистическими и лингвистическими факторами. Внешние факторы связаны с усилением процессов миграции и глобализации в современном мире, что приводит к «размыванию» территориальной и национальной идентичности. Кроме того, в течение

последних десятилетий село переживает кризис, выражающийся в исчезновении коллективных хозяйств старого типа, в разрушении прежних социальных отношений. Массовый отток населения в город в 1990–2000 гг., в особенности молодого, приводит к депопуляции сельского населения, низкой степени заселенности сельских территорий, усилению социально-демографических проблем и дальнейшему упадку сельского хозяйства [12, 13].

В то же время диалектологи отмечают, что несмотря на перечисленные факторы, русская сельская культура (в первую очередь – в удаленных от города селах) сохранила открытость внутренних коммуникативных пространств, доминирование личностно значимых межсубъектных отношений, в том числе в процессах внутриколлективного взаимодействия, относительную однородность видов повседневной деятельности, что приводит к ее особому единству, ориентации на прошлое, к принципиальной традиционности [14, 15]. Актуальность заявленной проблематики в лингвистическом аспекте обусловлена ее включенностью в парадигму современной лингвистики, изучающей вопросы соотношения языка и мышления, выявляющей языковой потенциал моделирования когнитивных процессов.

Цель настоящей работы состоит в определении факторов, на основе которых осуществляется локальная самоидентификация, представленная в автобиографических рассказах сельских жителей, проживающих на территории Томской области. Локальная самоидентификация понимается нами как осознание своей принадлежности к определенной территории и проживаемому на ней сообществу, истории, событиям, что проявляется в языковой картине мира, в системе ценностей, представлений, стереотипов, норм и отражается в языке.

Основным источником материала являются тексты Томского диалектного корпуса [16], записанные в процессе диалектологических экспедиций, организуемых сотрудниками Томского государственного университета с 1946 г. по настоящее время в районы распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. В качестве дополнительного источника привлечены воспоминания и устные автобиографические рассказы очевидцев и свидетелей раску-

лечения и ссылки в Нарымский край, изданные в книге «Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян» [17], вышедшей в 2014 г. в Издательстве Томского государственного университета, а также автобиографии жителей села Больше-Жирово Асиновского района Томской области, опубликованные в газете «Причулымская правда» за 1946 г. [18].

Таким образом, в статье анализируются тексты, авторами которых являются: а) старожилы – жители среднеобского бассейна; б) добровольные переселенцы в Сибирь, а также ссылки и репрессированные. Дополнительные материалы использованы с целью выявления региональной специфики конструирования локальной самоидентификации в языковом сознании разных социальных групп.

Выбор автобиографического рассказа в качестве объекта исследования обусловлен тем, что в нем наиболее полно выражена самоидентификация автора, заданная в том числе локальными факторами. С.В. Волошина отмечает, что законы жанра автобиографии подразумевают постоянное обращение к двум категориям: времени и пространству, с помощью которых человек определяет свое место в мире [19]. «Повествования о собственной жизни неизбежно включают информацию не только о рассказчике, но и об условиях, определивших его жизненный путь, а также отражают авторскую оценку этих условий и собственного положения в них» [20. С. 100].

Локальная самоидентификация выражается лексическими единицами с семантикой принадлежности к территории, к месту жительства через синтаксическую конструкцию *Я + прилагательное с семантикой свойственности/чуждости: местный, здешний/издешний, привезенный, деревенский, коренной*: Муж у меня не местный, *я местная. Я местная*; Уроженка *зде'шина* я [16]; *Изде'шина*. Дык у меня первый муж на фронте погиб; *Я привезённая* сюда. Я в первом классе *ишио'* была [16]; Она старенькая, конечно, с девяносто шестого года, она в деревне росла тоже, да и *я деревенская*, господи, какая, в городе от, ну чё Колпашево, это большая деревня, а так *я считаю себя деревенской* [16]; *Я коренная житель* [16].

Исследователи выделяют критерии, на основании которых происходит процесс и результат осуществления локальной самоидентификации: 1) рождение и постоянное проживание в определенной местности; 2) наличие предков, родившихся и живших здесь же; 3) эмоциональная привязанность к данной местности [21]. Список критериев может быть дополнен за счет включения в него таких параметров, как владение локальным вариантом языка [22], особенности ландшафта и климата, значимые историко-культурные события, люди, экономическая специализация территорий, уровень социально-экономического развития, особые реальные или приписываемые черты коллективного поведения [8]. Актуализация критериев зависит от дискурсивных и жанровых характеристик текста. В тексте автобиографического рассказа обязательным компонентом является сообщение о своем месте рождения и проживания, а также информация о родителях и других близких родственниках, поэтому наиболее часто в рассказах встречается самоидентификация по месту рождения, проживания и даже

предполагаемой смерти. «Законами жанра» обусловлена информация о трудовой деятельности, на основании которой говорящий идентифицирует свою принадлежность к селу и живущему в нем крестьянству.

В результате анализа автобиографических рассказов выявлена актуализация следующих критериев:

1) рождение и постоянное проживание в определенной местности: *А я здесь родилась и выросла здесь* [16]; *Живу с дочкой. Я здесь родилась, составлялась* [16]; *Всю жизнь свою прожила здесь. У меня прожили бабушка с дедушкой, мама с папой, моих дети и мои дети, и внуки, и правнуки! Всё наше семейство...* [16]; *Родилась я здесь. Отец россе'йской. Вот не помню, то ли тамбовский, то ли смоленский. Мать зде'шина. Она одиннадцать лет сюда из Россеи привезёна. Пермь она* [16];

2) место предполагаемой смерти, желание быть похороненным в месте проживания: *Никуда не выезжала. Как родилась зде'шина, так и помру здесь* [16]; [Тут родились?] *Тут родились, тут и прожила, тут и помирать буду. Никуда. Хотела, в прошлом го'де заболела, меня увезли на Почтовый, я там месяц была – нет, я говорю, везите меня домой: я тут не могу в городе жить, мне надо деревню.* [Все говорят, что в город не хотят ехать.] *Нет-нет-нет* [16];

3) существование предков, родившихся, живших, умерших и похороненных в месте проживания информанта: *А я ичас одна живу. А тут вся семья была раньше. Много нас детей было' у роди'телев. И родители тут помёрли, и две сестры. А тоды' я с се'строй жила вдвое* [16]; *Я вот своего деда и то не помню. Здесь родился. Отец тоже здесь родился* [18]. Все три критерия вербализуются с помощью дейктических пространственных показателей тут, здесь, обозначающих свое, освоенное пространство, очерченное границами деревни. По наблюдению Н.В. Куриковой, описавшей феномен пространственного дейксиса в диалектной речи, «значение «тут» реализует указание на место говорящего, находящегося в центре освоения мира, «тут» как бы «очерчивает» границы всего того, что окружает человека в его повседневной жизни – это то, что можно назвать его малой родиной, исхоженной и освоенной территорией – огород, деревня, лес, река и др.» [23. С. 16–17];

4) наличие особых переживаний и эмоциональных состояний, связанных с местом, привязанность к нему: *Да мы привыкли к деревне, нам кажется ши'бко в деревне хорошо. Потому что чё... не знаю, девять лет прожили мы в городе... Нет. Привы'кши, видишь. Родились мы тут и... поэтому нас сюда и тянет* [16];

5) владение локальным вариантом языка: *Погородскому дорожки, а у нас половики* [16]; *Лопух и репей одно и то же. Мы-то всё больше по-деревенски репеем называ'м* [16]; *Мы-то свиней чушка зовём. А боров, ну мужичонка. Вот его и боров зовут и хряк тоже. Кто пограмотней – тот свинья говорит, а кто как мы, так чушка зовём. Мало понимаем. И <всё/все> больше по-деревенски* [16]; *Ши'бко загорела, ой, «сильно» надо говорить, «ши'бко» – это по-деревенски* [16];

6) характер трудовой деятельности, связанный со спецификой сельского существования, что проявляется в наличии таких тематических сфер, как выращивание растений, животных, заготовка сена, обработка льна и т.д.: *Деревенски мы. Своим хозяйством жили, поедут на поля, сено косят, мечут, поспет кошенина, ворохнут, гребут* [16]; *Ну как мы раньше жили? Счас у нас село возобновилось, хороша. Жили крестьянством, имели скот. На этой же улице жила и этом месте. Раньше она называлась Нахимова* [16]; *И сено косили, в детстве, пололи хлеба, на покос гоняли, заготавливали сило'с, корма'* [16]; *Покос мы [дети] не косили, а убирать ходили, копны копнили, убрали. У деревни оставались только старики да детки. Коровы все имели, какой бы житель не были. Также коней. Жизнь такая деревенская* [16];

7) особенность времяпровождения: *Игры* *каки' у нас были, деревенские. Маленький как был, девки, как соберутся на вечерки в какой избе, и мы туда ныряли. Спали ведь тогда, что там сеток панцирных, кровати не знали* [16]; *праздников: Праздники отмечали взрослые, а мы около них бегали. На улице делали столы длинные, в общем, сколько в деревне жило народу, делали общие столы, и вроде вечера такие были – колхозные. Когда посеют на полях, тогда делали общие столы, и когда уберут весь урожай, вот тогда тоже делали такие столы, гулянки, вроде, были деревенские. Ну, и мы тут же бегали – туда-сюда* [17. С. 103];

8) наличие особой атмосферы, стремление к единению, соборности, что подчеркивается употреблением местоимений с семантикой всеохватности (все, весь) и сравнений, выражающих идею единения (как одна семья): *Поэтому жили-то в деревне очень дружно, все жили как одна семья, если уж проводы, все, поминки – все тут, то есть просто или, разбирали, готовили, потом столы накрывали, потому что только дома, это самое, накрывали столы, поминали* [16]; *Справляли всем селом, все, вся деревня; А, свадьба-то как была... Свадьба была всей деревней как обычно. [Это как – как обычно? Расскажите.] Вся деревня была. [Ну вот с самого начала расскажите, как вот за вами приехали...] Ну что вот? Они приехали, увезли меня, а тогда ведь чё, ничего не было такого, чтобы что-то... деревня есть деревня; Вся деревня знает; В деревне народ жил дружно. Сабантуй справляли всей деревней, каждая хозяйка ставила ведро бражки и гуляли: у одного посидят, затем идут к другому. И так по всей деревне. Не помню ни одного пьяного дебоша, песни пели под гармошку, плясали* [17. С. 64];

9) специфика продуктов питания, одежды, предметов быта: *Поешьте деревенского хлеба!* [16]; *И вот она мне купила материал, чтобы е'то... на платье, как оно называлось раньше, Господи. Ну, такое самое, такое хорошее, и шила деревенское платье это* [16]; *И деревенской посуды было много. Половники были деревянные, они типа черпака, только суп наливать* [16];

10) близость к природе: *Родилась в маленькой деревне Нуркай Кривошеинского района. Моё босоное детство прошло в этой деревне. Так как кругом был*

лес, болота, то летом было очень много комаров, мошек, одним словом, всяких кусачих насекомых. Зато везде – на улице, во дворе – летом зеленая трава, в лесу много ягод: малина, смородина, черемуха, клюква. Мы ели всякую зелень, которая росла в лесу, знали все съедобные травы [17. С. 63].

Информанты-переселенцы идентифицируют себя с местом, в котором они проживали до переселения: *В церкви, церковь в посёлке нашем уже не было. А когда вот мы не ссыльные, вот ещё до ссылки были, у нас в деревне очень хорошая была церковь* [16]. Это место обозначается словом *родина*, словосочетанием *родные места, свои места*: *Кожевниково – моя родина, там родилась* [16]; *У нас в деревне не было таких, и в Копыловку я пришла, уже мне восемнадцать лет было. Восемнадцати лет. Вот моя родина* [16]; *Ездили мы в Чажемто, ехали с Чажемто и остановились. Там уже были посторонние, и я, как сказать, вышла, пошла, прошла, посмотрела все свои места, где я, так сказать, выросла и училась, вот. И после этого я там не была* [16].

С.В. Волошина и И.В. Тубалова отмечают, что в рассказах вынужденных переселенцев номинация «дом» на протяжении многих лет сохраняется за территорией прежнего проживания, символизирующей счастливую, гармоничную жизнь [20. С. 123].

В автобиографических рассказах как добровольных, так и вынужденных переселенцев репрезентируется эмоциональное восприятие оторванности от родных мест: *Конвоировали нас с собаками, как каких-то преступников. До самой смерти так и не поняла, какое это преступление мы совершили, что оторвали от родных очагов и погнали как скот на страшные муки и страдания* [17. С. 13–14]. Одной из тем автобиографических рассказов является тема возвращения информанта на свою малую родину: *Работала в горбольнице двадцать два года в прачечной, а потом решили на свою родину обратно, вот эту избушечку покупали вроде как на мичуринский, а потом год здесь продержали мы её, а на зиму уезжали опять в город там, в свою квартиру. А потом у меня в девяностом году умер дед, осталась одна, и вот решила. Там у мне, там был у нас свой дом, квартира там большая была. А чё? Де ремонт, де <вот/воду>, где чё? Надо кого делать? Ну и решила в деревню перебраться, и теперь вот сижу всё время здесь* [16].

Процесс локальной самоидентификации осуществляется через обращение к номинациям «село»/«деревня» и «город», которые наделяются атрибутивными свойствами «своего» (*свой, наш, деревенский, местный, здешний/издешний, коренной*) и «чужого» (*не наш, чужой, приезжий, городской, дачник*): *Значит, я там... наша деревенская в Бак... то есть в Шегарке жила, улицу запомнил, кормить заходил, погреться; Мы один раз чё-то задурили, чё-то нам не угодило... не дали ли чё ли, и мы думали потти за ягодами, так нас... девчонкам-то по тринадцать было, одна вообще не наша деревенская, у бабушки гостила, всех собрали и к следователю, страшились же...* [16]; *Муж после войны раненый пришёл, покалеченный. Свой, деревенский; Вот и щас, другой раз спать лягу и всё, все дома вот переищу, всё пе-*

реверну, кто где был, кто умер, кто куда девался. Все **чужси, чужси** теперь. Дачники. Шчас свою ровню возьму, тоже почти никого не осталось, кто уехал, кто померли уже. Шчас с моей ровни здесь **коренных** одна только, больше никого нету [16].

Важную роль играет коммуникативная ситуация, участниками которой являются представители разных культур (сельской и городской). О.Ю. Крючкова считает, что таким образом проявляется внешняя идентичность, в рамках которой осознается принадлежность говорящих к сельской культуре [24].

Противопоставление сельского и городского пространства в рамках категорий «свое» – «чужое» на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья проведено А.Н. Серебrenниковой, которая отмечает, что, рассматривая представителя города сквозь призму шкалы соответствий своей системе ценностей и эксплицируя различия в освоении явлений внешнего мира, носитель народной культуры выстраивает отрицательный образ «чужого» [25. С. 19]. Общим и важным, на наш взгляд, наблюдением диалектологов, анализирующих различные диалектные системы, является вывод о внутреннем единстве сельской культуры, осознаваемым на фоне городской.

Противопоставление села и города происходит на следующих основаниях:

– характер трудовой деятельности, ее интенсивность: Конечно, **в городе** мне лучше. **Меньше работать, а тут нужно всю жизнь пахать** [16]; Это раньше, девки, во как. Это учили родители. Было всё своё. Теперь-то нету своего. Вот вы **в городе живёте, что у вас есть?** Никого. Ну, где учишься, где видишь? И не знаешь, как что делать. Ну. Ты сейчас корову доишь? Ну вот. **Вот не знаешь, как к ей подотти'**. Ну, лук они со'дят. А к корове-то не пойдёшь. А вот мы дома. Я тринадцати год коров доила. Не корову, а коров. Три коровы было, доила у отца – у матери. Я уже это умею. И скотину умела кормить и напоить. И сварить научут. У нас отец, я вот деду рассказывала, шибко был сердиты. У его руках что держит, кем ударит. Ты хоть там сдохни. И вот молотили, ночью молотили. Гумны, понимаете, гумны? Пойдём, высушим, выстилаем, и молотить. А мы в четыре руки молотили. Молотилки были с болтошкой. Ручки, поди, видели? Вы в деревне или в городе? Ну, **в городе не видели** [16];

– распределение трудовых обязанностей в семье: А топерь замуж выйдет и мужу сварить не хочет. Пока зыбка туды-сюды ковыля'ется, я корову подою. Чтобы муж постилки полоскал. Скота поить – мужская работа. А топерь все, все таки. **Деревенски старухи не любят это**. Сидит с ребёночком. Он приезжат, всё готово. **Вот каки' городски ваши** [16];

– внешний вид жителей города или села: Так от наша **дереве'нска жись**. Конечно, не **сравняешь с городской**. Мы кода' суда' приехали, мама говорит: «Ой, Лиза, ты в городе всё время **чи'стенка така'** ходила, а я шчас уже халат какой-то надела». Но а как не наденешь халат со скотиной? Ну-ка надо вот её, у них почистить, надо им... ну, сено уж сам даст. Там почистить, напоить, подоить, ведь не наденешь

хорошее платье, не пойдёшь в стайку. От так от. **Дереве'нска наша деревня, это, жись** [16];

– качество продуктов: **В городе-то жирно молоко не признают**. Я как езжу, так не хочу его пить [16];

– наличие/отсутствие медицинской помощи: Зуб выдернули, от этого умер. Это было в 1951 году. Зуб ему выдергивали сами, за ниточку и сами дергали, **деревня глухая**. Потом его и в Туган, и в Томск возили, долго мучался. Зубы же не чистили, я не помню, чтоб чистили, ну и не сказали, чтобы после не ел... [16];

– уровень жизни: **В моём детстве в городах уже лучше жили, а в деревнях плохо жили**. Ходили в холщовом. Ткали лён [16];

– уровень образования, культуры: Да, там уже **более культурнее были**, и люди с образованием. А в деревнях еще люди плохо жили. Особенно как война захватила, тогда вообще, не дай Бог никому. «Отсутствие знаний, полученных в результате специального обучения, расценивается как признак отсутствия культуры **темных** сельских жителей, в отличие от образованных горожан» [26. С. 9];

– экологическая ситуация: [А в город боитесь почему?] Мне кажется воздуха мне не хвата'т. Потому что, я. [Вы привыкли уже здесь.] Да. Здесь свежий воздух, а там душно. В городе у одного сына уже не была я пять лет, у младшего, а у среднего, три года не была уж. Всё зовут, я грю нет. «Да мы тебя увезём, привезём!» – «Нет!» Не поеду. **В деревне лучше**. Свободне'е и сам хозяин. **И дышать ле'гше**; Вот мы и зовем ка'жно лето к нам в гости всех внучат, чтоб отдохнули они от городу-то, от пыли городской [16].

В рассказах сельских жителей чужое пространство города представляется как опасное: **Страшно** было мне, конечно, из **деревни в город** уезжать.

В актуализации локальной самоидентификации отражается региональная специфика, связанная с восприятием Сибири как местом ссылки, что проявляется в наличии оппозиции **деревенский, местный и ссыльный, переселенец**: Колхоз назывался – имени Буденного. Это был «вольный» колхоз, то есть в нем работали не **ссылные**, а свои, **деревенские** [17. С. 99]; Те колхозы, которые были из **спецпереселенцев**, они были более сильными, а колхозы **местных** жителей были намного слабее; Отец сказывал тут деревня пять дворов было. Большие ста лет. Прие'зжи хохлы. **Ссылных** с Росссе'и высылали. За пустыни дела ссылали [18]. В то же время противопоставление сосланных крестьян и старожилов «не оформляется как оценочная оппозиция: “противоположный лагерь” как местные жители, так и переселенцы, в основном, описывают эмоционально-оценочно нейтрально» [20. С. 123].

Локальная самоидентификация осуществляется посредством обращения к истории деревни: С приходом Н.С. Хрущева многое изменилось, особенно в деревне. Количество скотины в хозяйствах сельчан резко сократили, то есть не разрешали содержать больше, чем установлено. Огороды уменьшили, и, соответственно, количество овощей, картошки стали производить меньше, хотя земля пустовала. С войны многие мужики не вернулись, так что в основном работали женщины и дети. От зари до зари. Я ра-

ботала дояркой в колхозе, потом телятницей [17. С. 75]; В начале [Великой Отечественной] войны призывали брата Александра в армию. Мужское население в деревне сократилось. Остались старики и дети [17. С. 78]; Деревня не так большая была. Я пошел на службу – вон того дома не было. В обеих стороны строилась, в тот край и в этот. Тот год пожар тут был: туго все и расстроилось. Вот тут был край, а то туды' повернёт деревня [18]; Деревня была роскошная. Любили здесь и человека ободрать. Сено косить надо, ставишь... землю надо, опять Земли много было, но ни где хочешь, а где у кажут. Поменьше была деревня. Жили хорошо все. Скотины было много. Стары-то здорово притесняли. От села я на германску войну пошел [18].

В анализируемом материале актуализована оппозиция «раньше» – «сейчас», которая отражает изменения, произошедшие в деревенской жизни: Деревня наша упала вся, вся; **раньше** была деревня хорошая. [Какая раньше жизнь была?] Ну здесь **раньше**, чё, здесь много жителей в каждом доме же жили, и старики... вот здесь вот бревно лежало, большу'ишз бревно, как вот от этого угла, так, как сараж вон тот, до угла, такое бревно лежало, вот все старики суда' соберутся и балясы точат, кто чё, а **ицас** всё пусто, всё, никого нету, молодёжи нету, ну, **ицас** нет, **ицас** совсем плохо, плохо, плохо, пустая деревня стала [16].

Маркирование локальной идентичности осуществляется через актуализацию поведенческих норм, принятых в деревенском социуме, частью которого осознаёт себя говорящий. Это подтверждает наблюдение исследователей о том, что в сельской коммуникации преобладает групповая идентичность [5, 28]. «Принятые в традиционной сельской культуре нормы поведения нередко не просто подробно описываются диалектоносителями, оцениваются ими как значимые в процессах социального взаимодействия, но и активно пропагандируются, внушаются слушающим, представляются как константы той культуры, носителем которой является говорящий...» [24. С. 163].

Деревенским жителям, к которым относится и сам говорящий, по его мнению, свойственны такие качества, как честность, порядочность, справедливость:

Да. Чё мы тут, все на виду, деревня... Ну и всё равно, у деревенских – мо'жет, и ума меньше, дак опять как-то, мо'жет, **честности, ли справедливости, может, побольше**... [16]; Они, знаешь, деревенских почему ценили, что они... [Трудолюбивые, наверное?] Не-е. [Всё умеют?] Умеют. И, главное, **не воруют. Надёжны** [16].

Отмечается стремление к чистоте вопреки тяжёлым бытовым условиям жизни в селе: Знашь от, **деревенские**, ага, а такие вот **чистюли** вот были такие вот, всегда это, порядок всегда, чистота, куда', как чё успевали ж как-то? [16].

Негативно оцениваются социальные условия, низкий уровень образования, отсутствие профессиональной квалификации сельских жителей: Я? **Проста работница, крестьянка**, да и всё. В деревне чем работаешь, чё придётся, то и работаешь [16]; Залетели [на самолёте] за облака. <...> Она-то знат, что мы за облака залетели. Вижу, как молочко переливается, а таперь погляди – мы уж, говорит, прилетели. С солнышком прилетели, а буран был, буран. **Дура деревенска**, не видывала, не слыхивала ничего [16]; [Так Вы всё знаете про деревенскую жизнь, сейчас нам всё расскажете.] А чё я про деревенскую жизнь? Выросла там и-и всё дояркой работала. Ну-у... [16].

Таким образом, анализ автобиографических рассказов сельских жителей показывает, что локальная самоидентификация определяется не только проживанием на какой-либо территории, но и образом жизни людей, системой норм, представлений и ценностей. Она неотделима от самопрезентации и характеристики людей, проживающих на той или иной территории. Типичный образ жителя села отражает прежде всего специфику сельского существования, в основе которого лежит труд, близость к природе. Самоидентификация по месту рождения, а не по месту проживания свойственна для вынужденных и добровольных переселенцев.

Проанализированный материал показывает, что самоидентичность сельских жителей осознаётся на фоне сравнения себя по ряду параметров с горожанами, а для коренных сельчан – с переселенцами и ссыльными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаппо М.А. Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 28–32.
2. Щербakov М.А. Модель уровней самоидентификации личности. URL: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml (дата обращения: 20.05.2021)
3. Лаппо М.А. Когнитивно-дискурсивная сущность самоидентификации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 4 (8). С. 30–37.
4. Седова Н.Н. Национально-государственная идентичность россиян и отношение к государственной символике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 3 (75). С. 29–35.
5. Демешкина Т.А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
6. Лавринов Д.Г. Актуализация региональной самоидентификации в условиях кризиса российской идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 3. С. 47–50.
7. Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108–115.
8. Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.
9. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35–48.
10. Дранникова Н.В. Локальная идентификация и самоидентификация жителей севернорусских городов Архангельска и Свердловска (по фольклорно-этнографическим данным) // Studia Rossica Posnaniensia. 2016. Т. 41. С. 57–69.
11. Дранникова Н.В. «Патракеевка – поморское село»: особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области // Арктика и Север. 2017. № 28. С. 5–23.
12. Якупова Г.А. Молодая сельская семья в современных условиях : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2018. 180 с.

13. Блинова Т.В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 2 (71). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-ugrozy-i-ogranicheniya-ravzitiya-selskih-territoriy-rossii](https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-ugrozy-i-ogranicheniya-razvitiya-selskih-territoriy-rossii) (дата обращения: 24.06.2021).
14. Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 58–64.
15. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36–54.
16. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 15.07.2021).
17. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шипиловой ; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 199 с.
18. Причулымская правда. Асино [Томская область]. № 51. 1946. 18 октября.
19. Волошина С.В. Хронотоп жизненного пути в диалектной коммуникации (на материале автобиографических рассказов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1 (13). С. 14–21.
20. Волошина С.В., Тубалова И.В. Сибирь и сибиряки в автобиографических речевых практиках // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. И.А. Айзиковой. Томск, 2019. С. 95–125.
21. Савоскул С.С. Локальная идентичность современных россиян (опыт изучения на примере Переславля-Залесского) // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 58–73.
22. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
23. Курикова Н.В. Феномен пространственного дейксиса в диалектной речи (на материале лексем «здесь», «тут», «там») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.
24. Крючкова О.Ю. Виды и формы репрезентации культурной идентичности в речи диалектоносителей // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур : сб. материалов Всерос. с междунар. участием науч. конф., [23–25 апреля 2019 г., г. Волгоград]. Волгоград : Фортекс, 2019. С. 159–164.
25. Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 30 с.
26. Иванцова Е.В. Концепт КУЛЬТУРА в словарях русских народных говоров // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 5–21.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 сентября 2021 г.

On Local Self-Identification of Siberian Village Residents (Based on Autobiographical Short Stories)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 16–22.

DOI: 10.17223/15617793/470/2

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Keywords: local self-identification; autobiographical short story; countryman; identity.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and Tomsk Oblast Administration, Project No. 19-412-700001r_a.

The article examines the local level of national-territorial self-identification. Interest in this issue is due to extralinguistic and linguistic factors. Extralinguistic factors are associated with increased migration and globalization in the modern world, which leads to a smearing of the territorial and national identity. The relevance of the stated problem is due to its inclusion in the paradigm of modern linguistics that studies the issues of the relationship between language and thinking thus revealing the linguistic potential of the modeling of cognitive processes. The aim of the article is to determine factors on which local self-identification is based. Research materials are autobiographical short stories of people living in the villages of Tomsk Oblast. Local self-identification is understood as the awareness of one's belonging to a certain territory and its community, history and events, which manifests itself in the linguistic picture of the world, in the system of values, ideas, stereotypes and norms, and is reflected in the language. The main source of the material is the texts of the Tomsk dialect corpus, recorded during dialectological expeditions from 1946 to the present in the areas of distribution of Russian old-resident dialects of the Middle Ob region. As an additional source, recollections and oral autobiographical short stories of witnesses of dispossession and exile to the Naryn region are used. Local self-identification is expressed most clearly by lexical units with the semantics of belonging to a territory, to a place of residence: *mestnyy* [local], *zdeshniy/izdeshniy* [of this place], *privezemnyy* [brought/imported], *derevenskiy* [rural], *korennoy* [indigenous]. The analysis of autobiographical stories reveals the actualization of such criteria as birth and permanent residence in a certain area; the presence of ancestors who were born and lived in the same locus as the speaker; emotional attachment to the area, knowledge of the local language, and some others. Local self-identification is expressed in the nominations *selo* [village]/*derevnya* [country] and *gorod* [city], which are endowed with the attributive properties of “ours” (*svoy* [one's], *nash* [our], *derevenskiy* [rural], *mestnyy* [local], *zdeshniy/izdeshniy* [of this place], *korennoy* [indigenous]) and “theirs” (*ne nash* [not ours], *chuzhoy* [strange], *priyemshiy* [newcomer]). The analysis of the autobiographical short stories of rural residents shows that local self-identification is determined not only by living in a certain territory, but also by the way of life of people, the system of norms, ideas and values. It is inseparable from self-presentation and characteristics of people living in a particular territory. The stereotypical image of a villager reflects, first of all, the specifics of rural existence, which is based on labor and closeness to nature. The local identity of the inhabitants of the Siberian village is formed through the system of oppositions “city–village”, “old-resident–migrant”, “Siberia–European part of Russia”.

REFERENCES

1. Lappo, M.A. (2013) Self-Identification: Direct, Indirect Explicit and Indirect Implicit Description of the Identity of the Speaker. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 372. pp. 28–32. (In Russian).
2. Shcherbakov, M.A. (n.d.) *Model' urovney samoidentifikatsii lichnosti* [Model of the levels of a person's self-identification]. [Online] Available from: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml (Accessed: 20.05.2021)
3. Lappo, M.A. (2009) Cognitive-Discursive Essence of Self-Identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (8). pp. 30–37. (In Russian).
4. Sedova, N.N. (2005) *Natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' rossiyan i otnoshenie k gosudarstvennoy simvolike* [National-state identity of Russians and attitude to state symbols]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3 (75). pp. 29–35.

5. Demeshkina, T.A. (2015) Traits of the Slavic Identity in the Self-Identification of a Siberian Native. *Rusin*. 3 (41). pp. 90–107. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/7
6. Lavrinov, D.G. (2008) Aktualizatsiya regional'noy samoidentifikatsii v usloviyakh krizisa rossiyskoy identichnosti [Actualization of regional self-identification in the context of the crisis of Russian identity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 3. pp. 47–50.
7. Smirnyagin, L.V. (1999) Territorial'naya morfologiya rossiyskogo obshchestva kak otrazhenie regional'nogo chuvstva v russkoy kul'ture [Territorial morphology of Russian society as a reflection of regional feeling in Russian culture]. In: *Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskoy kul'tury v Rossii* [Regional self-awareness as a factor in the formation of political culture in Russia]. Moscow: [s.n.]. pp. 108–115.
8. Morozova, E.V. & Ul'ko, E.V. (2008) Lokal'naya identichnost': formy aktualizatsii i tipy [Local identity: forms of actualization and types]. *Politeks*. 4. pp. 139–151.
9. Krupkin, P.L. & Lebedev, S.D. (2013) On Sacred Basis of Local Social Identities in Contemporary Russia: Structural Analysis. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 4. pp. 35–48. (In Russian).
10. Drannikova, N.V. (2016) Local Identification and Self-Identification of Citizens of the Northern Russian Cities of Arkhangelsk and Severodvinsk (Based on Folklore-Ethnographic Studies). *Studia Rossica Posnaniensia*. 41. pp. 57–69. (In Russian).
11. Drannikova, N.V. (2017) "Patrakeevka – A Pomor Village": Local Identity Features of the Patrakeevka Village Residents, Primorsky District, the Arkhangelsk Oblast. *Arktika i Sever – Arctic and North*. 28. pp. 5–23. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.28.5
12. Yakupova, G.A. (2018) *Molodaya sel'skaya sem'ya v sovremennykh usloviyakh* [Young rural family in modern conditions]. Sociology Cand. Diss. Yekaterinburg.
13. Blinova, T.V. (2018) Demographic Threats and Limitations of the Development of Rural Territories in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2 (71). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskie-ugrozy-i-ogranicheniya-razvitiya-selskih-territoriy-rossii> (Accessed: 24.06.2021). (In Russian).
14. Gol'din, V.E. (2002) Dominanty traditsionnoy sel'skoy kul'tury rechevogo obshcheniya [Dominants of traditional rural culture of speech communication]. In: *Avanesovskiy sbornik* [Avanesov collection]. Moscow: Nauka. pp. 58–64.
15. Demeshkina, T.A. & Tubalova, I.V. (2017) Dialect Discourse as a Sphere of National Culture Representation: Constants and Transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 36–54. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/3
16. *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk dialect corpus]. [Online] Available from: <http://losl.tsu.ru/corpus> (Accessed: 15.07.2021).
17. Chernyak, E.I. (ed.) (2014) *Kak my zhili: vospominaniya i ustnye svidetel'stva tomskikh krest'yan* [How we lived: memoirs and oral testimony of Tomsk peasants]. Tomsk: Tomsk State University.
18. *Prichulyskaya pravda*. (Asino, Tomsk Oblast). (1941) 51. 18 October.
19. Voloshina, S.V. (2011) Khronotop zhiznennogo puti v dialektnoy kommunikatsii (na materiale avtobiograficheskikh rasskazov) [Chronotope of the life path in dialect communication (based on autobiographical stories)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (13). pp. 14–21.
20. Voloshina, S.V. & Tubalova, I.V. (2019) Sibir' i sibiryaki v avtobiograficheskikh rechevykh praktikakh [Siberia and Siberians in autobiographical speech practices]. In: Ayzikova, I.A. (ed.) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal culture of Siberia in the all-Russian and European contexts (19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 95–125.
21. Savoskul, S.S. (2005) Lokal'naya identichnost' sovremennykh rossiyan (opyt izucheniya na primere Pereslavl-Zalesskogo) [Local Identity of Contemporary Russians (Study Experience on the Example of Pereslavl-Zalessky)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 58–73.
22. Kalitkina, G.V. (2010) *Ob'ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [Objectification of traditional temporality in dialect language]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Kurikova, N.V. (2005) *Fenomen prostranstvennogo deysiya v dialektnoy rechi (na materiale leksem "zdes'", "tut", "tam")* [The phenomenon of spatial deixis in dialect speech (based on the lexemes "zdes'", "tut", "tam")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
24. Kryuchkova, O.Yu. (2019) [Types and forms of representation of cultural identity in the speech of dialect speakers]. *Rossiia narodnaya: rossyp' yazykov, dialektov, kul'tur* [People's Russia: A scattering of languages, dialects, cultures]. Conference Proceedings. Volgograd, 23–25 April 2019. Volgograd: Fortress. pp. 159–164. (In Russian).
25. Serebrennikova, A.N. (2005) *Dialektnoe slovo s semantikoy "svoystvennosti" – "chuzhdosti" (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [Dialect word with the semantics of "ours" – "theirs" (linguoculturological aspect)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
26. Ivantsova, E.V. (2016) The concept "culture" in dictionaries of Russian folk dialects. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (9). pp. 5–21. (In Russian). DOI:10.17223/22274200/9/1

Received: 19 September 2021